

ИСТОРИЯ

Б.Г. Алиев

**ЕЩЕ РАЗ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ДАГЕСТАНСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ
ОБЩИНЫ И ЕЕ АДМИНИСТРАЦИИ
В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Дагестанская независимая сельская община – это низшая самоорганизационная, самоуправляемая, единая территориально-политическая и хозяйственная структура союза сельских общин. Дагестанская независимая община, опираясь на существующие местные адаты, осуществляла функции, связанные с руководством всей общественно-политической жизни в джамаате, проведением различных сельскохозяйственных работ (начало посева и сбора урожая, сенокоса, выпаса и перегона скота на различные пастбища и арендуемые зимние кутаны и т.д.), регулировала семейные и имущественные отношения, взаимоотношения с другими общинами и т.д. Среди функций независимой сельской общины особое место занимают управленческие функции, без которых не могла существовать община как цельная, единая территориально-политическая и хозяйственная структура союза сельских общин, по отношению к которому она (община) выступала как низовая административно-политическая единица.

Осуществление управленческих функций общиной являлось ее важнейшей обязанностью. Без организованного, четко налаженного управления, основанного на многовековых традициях предков и принятых самой общиной адатах, которыми община руководствовалась в своей повседневной деятельности, опираясь при этом на своих членов как ее субъектов, трудно представить дагестанскую независимую общину, так как именно все это было стержнем, основой ее существования и жизнедеятельности. Община была сильна именно своей организованностью и опорой на своих юридически свободных членов – свободных узденей, как ее основной массы населения, органы управления которой – все звенья ее управленческой системы являлись связующим звеном и посредником между ней (самой общиной) и ее членами.

Управленческие функции дагестанской независимой сельской общины исходили из того, что она являлась самостоятельной во внутренней жизни, самоуправляющейся структурой союза сельских общин, состоявших из таких же независимых и самоуправляющихся единиц – других сельских общин. Поэтому она (сельская община) сама осуществляла управление, выставляя или назначая из своей среды администрацию в лице различных должностных лиц, имеющих разные, но конкретно очерченные обязанности или функции. Причем следует отметить, что введению свободной сельской общины подлежали выборы как светских административно-должностных лиц (старшины – бодал бетлер, ростал, шила халати, аксакалы, кевхи и т.д., мангуши, исполнители, смотрители или охранники полей), так и духовных служителей (кадий, мулла или дибир, будун). При этом независимая община руководствовалась обычным правом, которое четко регламентировало права и обязанности общинных административно-должностных лиц. Независимая сельская община обычно через своих выборных (в основном) административно-должностных лиц осуществляла как административно-управленческие, так и судебно-полицейские функции, которые реализовывала сама община путем принятия различных решений к нарушителям – своим членам административно-правовых норм.

Тема, поднятая в статье, казалось бы, не нова. Об общинном управлении в дагестанской исторической литературе сказано немало. Об этом писали прежде всего известные дагестанские ученые Р.М. Магомедов и Х.-М.О. Хашаев, уделившие данному вопросу в своих фундаментальных работах большое внимание. Изучением интересующего нас вопроса занимались также проф. Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов, В.Г. Гаджиев, М.А. Агларов, Б.Г. Алиев, Ш.М. Ахмедов, М.Р. Гасанов, Д.М. Магомедов и многие другие, в особенности, занимавшиеся исследованием истории различных союзов сельских общин. Тем не менее конкретная постановка для исследования вопроса об управленческих функциях дагестанской свободной сельской общины до сих пор представляет интерес и необходимость в особенности, в наши дни, когда среди политиков, правоведов, ученых-историков и этнографов идет фактическая дискуссия о гражданском обществе. Независимая община – это основная составляющая гражданского

общества. Поэтому, думается, не лишне в связи со сказанным еще раз обратиться к вопросу об ее управленческих функциях.

Дагестанская независимая сельская община как институт, возникший на базе социально-экономических изменений, происходящих в архаической общине, по своей природе являлась организацией демократической. Именно в силу этого органы ее управления даже в условиях больших социально-экономических изменений, происшедших в XVIII–XIX вв., оставались по своей природе и сущности демократическими. Само административное управление независимой сельской общиной являлось как бы продолжением управления архаической общины, так как оно возникло на базе этого управления. Но между ними нельзя ставить параллели. Управление независимой сельской общины – это не рудимент архаической, родовой общины, хотя, как известно, и старшины, и совет старшин, и народное собрание, и исполнители и т.д. были при родовом строе. Но они не идентичны.

В условиях перехода архаической общины в сельскую территориальную общину, что имело место задолго до XVIII–XIX вв., институты управления архаической общины, сохранив внешнюю форму и названия, стали институтами того нового, иного общества, какой была сельская территориальная община, имеющая в своем составе представителей различных родственных групп (тухумов), происходивших из различных родов, заселявших до образования территориальных общин небольшие тухумные («родовые») поселения, которые и явились основой образования самих территориальных общин. «Пока общинники принадлежат к одному роду, – писал П. Кушнер (Кнышев), – регулирование совместной жизни производится родовыми старейшинами и советом семейных старшин. С появлением в составе общинных хозяйств чужих родов (т.е. с образованием территориальных сельских общин. – Авт.), прежняя форма управления общиной становится несовместимой с новым хозяйственным укладом. Создается новая общинная администрация, не родовая, а сельская, сельские старшины, сельские собрания, сельские сходы, которые уничтожают родовое представительство, или существуют помимо него» (*Кушнер (Кнышев) П.*, 1927. С. 213). Именно нарушение родового принципа расселения, что было характерно для периода господства тухумных («родовых») поселений, как отмечал известный ученый М.М. Ковалевский, «необходимо должно было вызвать к жизни образование наряду с родовой (тухумной. – Авт.) особой сельской администрации, сложившейся, по-видимому, по типу первой» (*Ковалевский М.М.*, 1890. Т. 2. С. 159). Продолжая высказанную мысль, ученый далее писал: «Подобно тому, как тохум имеет своего старейшину и свои родовые (тухумные. – Авт.) собрания, так точно община имеет своего старшину и свой общий сбор, к участию в котором призываются все совершеннолетние мужского пола. Факт позднейшего происхождения общинного устройства, по мере естественного или искусственного скучивания нескольких тохумов (т.е. образования общей для них одного селения – территориальной общины в результате их объединения с наиболее сильным, большим и значимым тухумным поселением. – Авт.) в одних и тех же местах, с наглядностью выступает из того обстоятельства, что старшины нередко выбираются исключительно из членов одного какого-нибудь рода (тухума. – Авт.), как бы велико ни было число последних в округе» (т.е. на данной территории. – Авт.) (*Ковалевский М.М.*, 1890. Т. 2. С. 159–160). Это, как справедливо отмечалось еще в конце XIX в. в «Адатах Дагестанской области и Закатальского округа», был второй период «развития народной жизни дагестанских горцев», когда уже «существовало до некоторой степени организованное управление, выработанное самим народом» (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1890. С. 3).

В XVIII, тем более в XIX в., конечно, произошли изменения в структуре управления независимой сельской общины по сравнению с тем, что было характерно для периода образования территориальных сельских общин, когда переселенцы – тухумы имели, в основном, одинаковые права, и они вместе формировали управленческие институты общины, хотя не исключено, что во многих случаях первенствующая или главенствующая роль принадлежала общине-объединителю, которая (в особенности, там, где происходило насильственное объединение – переселение тухумных поселений), которая как наиболее сильная и большая среди остальных тухумов, диктовала свою волю. Но главное в управлении соседской (территориальной) общины – это то, что и связи родственные заменяются или дополняются соседскими отношениями, а «тухумная организация, занимавшая столь сильные позиции в общине, не обладала институционализированными формами власти, как это имело место в джамаате» (*Агларов М.А.*, 1988. С. 160). По мнению М.А. Агларова, управление сельской общины Дагестана, вернее общинная власть, являлась народной или «публичной властью» – «явление вторичное» (что отмечали и вышеприведенные авторы, цитаты из работ которых приведены в работе), «связанное с

урбанизацией и образованием укрупненных общин или городов «полисного типа» (Агларов М.А., 1988. С. 167).

Здесь мы не будем дискутировать о верности или неправдоподобности последнего утверждения. Но, думается, вряд ли верно мнение, что «малые общины типа тухумных до их объединения, т.е. до образования крупных (городского типа) и средних населенных пунктов, не имели специальных органов управления» (Агларов М.А., 1988. С. 167). Тогда выходит, что в тухуме («роде») не было старшин, не было собраний и т.д. Конечно, нельзя с этим согласиться. Но здесь нам важно другое мнение М.А. Агларова, который пишет далее и с чем невозможно не согласиться: «Дагестан не обнаруживает особого многообразия форм организации публичной власти, что соответствует единому типу и социально-экономическому уровню общин в Дагестане», хотя «имеется некоторое разнообразие форм самой общины, прежде всего продиктованное характером расселения» (Агларов М.А., 1988. С. 167).

Главными административно-должностными лицами в независимой сельской общине были старшины («шила халати», «росдал бетлер», члухби», «бегаулы», «нусил бетлер», «адил заби», «кевха», «аксакалы»). Из перечисленных и других названий, как отмечает М.А. Агларов, «интересны аварские «адгадулав», буквально означающие «очередной» и андийское «гылатаб» («допущенный к верховодству») (Агларов М.А., 1988. С. 171).

Старшины выбирались на народном сходе (джамаате). Количество их зависело от величины селения. Небольшое село управлялось одним старшиной, большое – имело несколько и даже более 10 старшин. Так, в с. Кубачи выбиралось 12 старшин, «которые в тот год все ссоры судили» (Гербер И.-Г., 1958. С. 75). По сведениям И.-Г. Гербера, «каждая деревня» Алтыпара, Ахтыпара, Рутула, Докузпара, Кураха, Курги имела своего старшину (Гербер И.-Г., 1958. С. 77–78, 105–106). Часто количество старшин зависело от количества тухумов, проживающих в селении. По сведениям от 1742 г., в с. Калакорейш ежегодно выбирали 8 старшин. В сс. Акуша-Дарго: Акуша, Муги, Цудахар, Гапшима выбирали по 4 старшины, в Мекеги – 5 (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. С. 209). В Уркарахе было 12 старшин, Киша и Харбуке – по 8 старшин (Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965. С. 21). В с. Чох было 6 кварталов, и, соответственно, здесь выбирались 6 старшин (АКАК, 1893. Т. 6). В Ахтах было 40 тухумов и из каждого самим же тухумом избирался один аксакал «и эти выборные, в числе 40 управляли всеми общественными делами». Причем, что интересно, срок «службы каждого аксакала ограничивался только желанием его тухума» (Памятники обычного права... С. 26).

В интересующий нас период в условиях происшедших социальной и имущественной дифференциаций во многих сельских общинах старшины выбирались из одних и тех же фамилий или тухумов на определенный срок, или на всю жизнь. «Каждое селение, – писал акад. Н.Ф. Дубровин, – смотря по числу жителей, управлялось одним или несколькими старшинами, **избираемыми на всю жизнь** (подчеркнуто мною. – Авт.), или на известный определенный срок» (Дубровин Н., 1871. С. 606). Это было характерно для Ахтыпара, Рутула и др. союзов. В 1835 г. П. Зубов писал, что жители Акуша-Дарго «повинуются только своим старшинам, из числа коих некоторые имеют сие звание наследственно», с. Кубачи, писал он также «управляется старшинским родом наследственно» (Зубов П., 1835. С. 253). М.М. Ковалевский писал: «В тех общинах, где не было родовых начальников, на должность старшины попадали исключительно в силу избрания; но при этом во многих местах сохранилось правило, что кандидатом может быть только член двух, трех или более выдающихся тухумов» (Ковалевский М.М., 1890. Т. 2. С. 160). В Акуша, по его же словам, «карты («шила халати». – Авт.) избираются сроком на один год из почтеннейших лиц, притом **известных только фамилий**» (подчеркнуто мною. – Авт.) (Ковалевский М.М., 1890. Т. 2. С. 160). В Цудахаре из 6 основных тухумов хулелов (старшин) выдвигали только 4 тухума; в с. Муги – из 10 тухумов – только 4; в Мекеги из 12 кварталов – только 5 (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. С. 238). В одном источнике говорится, что в общинах Южного Дагестана «некоторые тухумы... вследствие приобретенного общего уважения или по праву сильного наследственно поставляли своих членов на должность старшин» (Памятники... С. 41–42). Так, в кюринских обществах были тухумы, которые имели право выдвигать старшин.

По сведениям поручика Сотникова, в с. Курах из тухума Мирчиар «с незапамятных времен избирался главный Курахский старшина (кевха)», который имел «большое влияние и на окрестные села». Это право тухум имел еще до Надир-шаха, и оно было «укреплено народным адатом» (Памятники... С. 42), т.е. фактически узаконено, как исключительное право этого тухума Мирчиар. И из другого тухума Кураха под названием Манчарар «постоянно избирались

Курахские старшины» (Памятники... С. 41). В с. Худиг из тухума Мансурар старшины избирались 45 лет подряд (*Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. С. 161). В с. Гельхен постоянно выбирались старшины из тухума Кабуляр, в с. Цнал – из Бурган-тухума, в с. Хударг – из Бейбут-тухума, которые пользовались большим почтением и влиянием почти во всем Котур-Кюре (Памятники ... С. 41–42). Такие права имели отдельные тухумы в с. Кабир, Буткент, Касумкент и т.д. Постоянно старшин выбирали из одних и тех же тухумов в табасаранских селах Кандык (из тухума Аксакаллар), Ляхля (из тухума Чигар, или Кевхаляр (Памятники... С. 41, 42, 43), в с. Ругуж (их тухума Гусейнбая), в Харахе (их тухума Карлар) (Памятники... С. 44; *Гасанов М.Р.*, 1994. С. 66). Наследственными были должности старшины в с. Харахе и Хиве (*Гасанов М.Р.*, 1994. С.67). Все 40 старшин (аксакалов) с. Ахты имели на эту должность наследственное право «в прямой нисходящей линии» (Памятники... С. 26), т.е. в «аксакальской» семье из 40 тухумов (Памятники... С. 26). Наследственной была должность старшины в агульских общинах (Агулы, 1975. С. 39).

И в независимых общинах других народов Дагестана мы наблюдаем аналогичное положение. Так, в аварском с. Салта союза Андалала старшину (бегаула) выбирали, в основном, из тухумов Колоби и Ахлахъял (Полевой материал, собранный в 1983 г.), в с. Кудали этим правом пользовался тухум Зумзумилалилах (Полевой материал, собранный в 1983 г.), в с. Арчиб (союз Рис-Ор) – коренные тухумы Гулай (или Ханнахир), Халанханнахир и Хамханнахир, которые по происхождению считались ханскими (Полевой материал, собранный в 1983 г.).

В свете приведенных примеров вряд ли можно согласиться с существующим мнением, что в крупных селениях «право представительства в управлении имели все узденские кланы», а также, что тухумами назывались только те родственные группы, которые имели право на выдвижение правителей (*Агларов М.А.*, 1988. С. 115).

Влияние в независимых общинах разбогатевших, сильных и так называемых «влиятельных» тухумов было так велико, что если не юридически (а часто и юридически), так как их права, привилегии закреплялись в местных адатах, то фактически власть их в управлении общиной превратилась в наследственную, становясь привилегией только их представителей. Поэтому в подобных общинах (независимых от феодалов) от патриархально-демократических форм избрания старшин осталась лишь одна внешняя оболочка, что выражалось в созыве для этого народного собрания. Происходило, говоря словами Ф. Энгельса, наследование власти, «которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют (*Маркс К. и Энгельс Ф.*, 1961. С. 164). Вследствие этого органы управления и власти во многих независимых общинах даже до интересующего нас периода из «орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» (*Маркс К. и Энгельс Ф.*, 1961. С. 164).

В новых условиях развития дагестанской независимой общины социальная сущность старшин заключалась в том, что они, опираясь на адатное право и органы власти в джамаате (народное собрание), являлись носителями интересов верхушки общины в лице земельных собственников и владельцев большого количества скота, хотя сама эта власть осуществлялась в формах патриархальных установлений (выборы старшин на народном собрании, участие на нем либо всего народа, либо представителей всех равноправных тухумов или семей, либо совершеннолетних мужчин и наличие у них права голоса и выбора).

Независимая община, организовав или сформировав свое управление, наделяла его и конкретно определенными функциями. Старшины, как представители высшей исполнительной власти общины, получали от нее и функции высших должностных лиц по повседневному управлению джамаатом. Практически все вопросы внутренней жизни общины находились в ведении старшин. Они должны были следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь в своих общинах, а также вершить суд по всем гражданским делам, не относящимся к разбору по шариату. При разборе и решении дел старшины руководствовались местными адатами. В этом плане уместно здесь привести наблюдение акад. Н.Ф. Дубровина, писавшего, что старшины «наблюдали за порядком в селениях, собирали, в случае надобности, сходки, назначали места собрания, они же были и судьями...»

Ежедневно, каждое утро, – продолжал он писать, – выбираемые по одному из каждого тухума (в этом утверждении он был неправ, что подтверждается приведенными выше примерами выборов старшин многих сел только из определенных тухумов. – Авт.) выходили на площадь к мечети, словом, место, избранное для суда, и там производили суд. При разборе и решении дел руководствовались преимущественно адатом» (*Дубровин Н.*, 1871. С. 606). Обычно старшины

являлись и военачальниками, хотя известно, что они, в основном, назначались во время военных действий. Изучая данный вопрос, Г.М. Мирзамагомедов привел интересный конкретный материал по изучаемому нами периоду, подтверждающий мысль о том, что старшины по своему положению сравнивались со знатью и фактически превратились в особое привилегированное сословие независимых от феодальных владений общин. Такими старшинами, сосредоточившими и светскую, и военную власть были Али-бек и Хаджи из Орота, Маллачилав из Унцукуля, Курбан из Карата, Магомед, сын Али Молла из Балахани, Мола Магомед из Балахани, Мола Магомед из Ирганая (Мирзамагомедов Г.М., 1984. С. 37), Мама Шабан из Джурмута, Харанчи Али Абдурахман и его сын Зага из Ругельда, Муртазали и Потберов из Урада (Могульский, ... С. 110, 231, 239), у дидойцев Жаба, у каратинцев – Усман-кади, у карахцев – Курбан, у унцукульцев – Нурмагомед. Военачальника имело и Хиндальское общество (АКАК, 1878. С. 506; Руновский А., 1862. С. 379; Магомедов Р.М., 1957. С. 67; 1968. С. 216).

Община заботилась о своих старшинах. За свою службу старшины пользовались рядом услуг, имели льготы, получали часть или полностью штрафы, взыскиваемые с нарушителей адатов и совершавших, связанные с этим проступки. Интересные сведения, сохранились по Ахтынскому обществу. Здесь указанные выше старшины получали от общества лошадей, если они совершали поездку по общественным делам; все 40 старшин приглашались на свадьбы и поминования, причем они имели право брать с собой одного члена семьи; после разбора дел по кровомщению, каждый из них «получал от удовлетворяемого по суду истца какую-нибудь вещь из оружия или посуды и кусок ткани» (Памятники... С. 26).

Штрафы, получаемые старшинами, служили для них средством обогащения. По свидетельству Г.-М. Амирова, урахинские старшины «в прежнее время (он писал об этом в начале 70-х гг. XIX в. – Авт.) все-таки обогащались в продолжении одного года. Доходная статья их – штрафы» (Амиров Г.-М., 1873. С. 38).

Еще, что важно отметить: – во многих дагестанских независимых общинах союзов сельских общин старшинам выделялись специальные пахотные и сенокосные участки. Такой обычай был в агульских селениях Арсуг, Худиг, Рича и др. (Агулы, 1975. С. 59). А старшина (кевха) с. Тпиг получал по 2 пая из общественного покоса (ЦГА РД. Ф. 150. Оп.1. Д. 19. Л. 40; Алиев Б.Г., 1982). Старшина (бегаул) с. Унцукуль получал покосный участок и одно ореховое дерево (Алиев Б.Г., 1982). Старшина с. Алмак (союз Салатавия) получал участки пахоты и сенокоса в местности Кюдолъу (Алиев Б.Г., 1974). В с. Ицари все 4 старшины получали из общественного леса в местности Хирабай по одному бревну (Алиев Б.Г., 1969). В Цудахаре каждый из 4 старшин (хулелы) получал особый участок пахоты (Магомедов Р.М., 1957. С. 121).

При выборе старшин из одних и тех же тухумов или даже семей, естественно, выделяемые для них участки из общественных земель оставались в этих же тухумах или семьях. И, естественно, оставаясь в пользовании их в течение многих лет, они могли превратиться в их собственность, что еще больше обогащало верхушку независимых общин.

В некоторых крупных джамаатах, кроме сельских старшин, община выбирала и джамаатских старшин, как это было, например, в с. Акуша, где по справедливому замечанию М.А. Агларова, «организация власти как в аулах (отдельных джамаатах), так и в «вольных обществах» и союзе «вольных обществ» носила наиболее упорядоченный характер. Вообще Акушинский союз представляется наиболее усовершенствованной формой управления союзом «вольных обществ» (Агларов М.А., 1988. С. 180). В Акуша было четыре джамаатских старшины (как сказано в источнике «джамаатла халати»), которые являлись «инспекторами» и «администраторами», «народными судьями» (Сведения об Акуша // Памятники... С. 13). Это был практически контролирующий институт джамаата. «Джамаатла халати» сами не разбирали дела, но проверяли разобранные старшинами («шила халати») дела и, если находили их неправильно решенными, то собирали джаммат, объявляли на нем о неправильных действиях старшин и сменяли недостойных по согласию народа (обсудив вопрос о них на джамаате), зарезав предварительно быка у провинившегося из них (Сведения об Акуша // Памятники... С. 130).

Речь в источнике идет собственно об Акушинском джамаате (само село и отселки), а не союзе Акуша-Дарго в целом, о чем пишет М.А. Агларов, основываясь на том, что эти 4 «джамаатла халати» выбирались от 4 магалов (Агларов М.А., 1988. С. 180). Но он не учел, что магалы в данном случае – это 4 квартала (Хъарша, Дайша, Хъарша и Панжук) с. Акуша, каждый из которых и выдвигал по одному «джамаатла халати».

Известно, что с распространением в Дагестане ислама здесь появился институт кадиев, как главных духовных (религиозных) лиц в сельских общинах. Но со временем во многих селах кадии

становятся не только духовными, но и светскими руководителями общин и вместе со старшинами они возглавляли все руководство общиной. А с образованием (в основном, в X–XIV вв.) союзов сельских общин кадии становятся и их руководителями. Это было характерно в особенности для союзов сельских общин даргинцев, что на наш взгляд, происходит после возвышения кадия Акушинского союза. Позже это было связано с тем, что Тимур разгромил и разрушил христианский центр Верхней Даргинии – Усиша и в противовес ему (центру) возвысил Акуша и его духовное руководство в лице мусульманского кадия. Со времени происходит возвышение института кадиев и в других местах Дагестана, что отмечено и в исторической литературе. Так, Н. Березин писал: «Независимые от беков деревни находились в заведовании старшин и кадиев» (*Березин Н.*, 1850. С. 92). В исследуемый период кадии были главным административными лицами в обществах Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Ицари, Согратле, в ряде других аварских обществах. Как писал Р.М. Магомедов, власть кадиев была обширна в военное время и ограничивалась она в мирное время деятельностью народных собраний (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 117).

Как и институт старшин, кадии, как высшие исполнительные должностные лица независимой общины, выбирались общиной на своем сходе, что, как правило, происходило в пятницу. Выбирались они на определенный срок или бессрочно, в особенности, там, где эта должность превратилась в наследственную, став прерогативой только определенных тухумов или семей. Вместе со старшинами кадии сельских общин возглавляли всю общественно-политическую жизнь своих общин. В военное время кадии являлись и военачальниками, что особенно характерно для даргинских союзов сельских общин («кадий непременно должен был командовать войсками и идти в битву впереди всех», – сказано в источнике об Акуша) (*Памятники...* С. 14). Но и у других народов Дагестана кадии, как, например, кадий Анцуха Халил, выполняли функции военачальника (*АКАК*, 1975. С.832; *Магомедов Р.М.*, 1957. С. 67; 1968. С. 217).

Кадии независимых сельских общин вершили суд по шариату. В тех общинах, в которых кадии сосредоточили в своих руках и светскую, и духовную власть, как и во всей жизни горцев, в изучаемое время мирно уживались адат и шариат, что являлось своеобразным проявлением биюридизма в правовом строе. «Соединение черт раннефеодального строя с многочисленными пережитками родового строя, – писал И.П. Петрушевский, – привело к тому, что здесь существовали рядом с нормами домусульманского права (адат) и мусульманский шариат» (*Петрушевский И.П.*, 1934. С. 213). Но в то же время вслед за М.М. Ковалевским, отметившим, что усиление роли шариата не означало, что «народные юридические воззрения исчезли из сфер, в которых шариат одержал победу над адатом» (*Ковалевский М.М.*, 1890. Т. 2. С. 129), И.П. Петрушевский писал, «что шариат не только убил адатное право, но даже не лишил его преобладающего значения, он лишь пронзил его своим влиянием» (*Петрушевский И.П.*, 1934. С. 213).

Живучесть адата в условиях господства в Дагестане ислама объяснялась тем, что народ предпочитал адат шариату, так как «по Корану были определены весьма строгие наказания за преступления, считавшиеся народом маловажными, как, например, воровство и изучение мусульманского канонического права представляло непреодолимое затруднение для народа... тогда как адат не требовал особых познаний. Каждое дело решалось по бывшим примерам, а если таких не было, то большинством голосов» (*Дубровин Н.*, 1871. С.606–607).

Адат и шариат уживались мирно до распространения мюридизма (20-е гг. XIX в.). Причем, шариат укреплялся, как право феодальных верхов – по мере постепенного разложения родового строя (что, конечно, имело место задолго до XIX в.), феодалы стремились приспособить к своим интересам адатное право. Следовательно, в начале XIX в. адат уже был не столько пережитком архаических родовых отношений, сколько формой раннефеодального права (*Петрушевский И.П.*, 1934. С. 213). В свете сказанного понятна и социальная сущность власти мусульманского кадия в дагестанской независимой общине. Кадий, как высшее должностное лицо наряду со старшинами независимой общины, уже в интересующий нас период не являлся представителем или носителем патриархальной власти в джамаате, а был выразителем интересов нарождающегося класса феодалов (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 71), представителем которого собственно был и он, и сельские старшины с наследственной властью.

Как и старшины, что было показано выше, кадии за свою службу получали определенную плату или вознаграждение. Плата не была определена конкретно, но в каждом случае за разбор дел по шариату, за похороны и свадьбы, часть зяката и т.д. кадии получали повсеместно. Так, в с. Уркарах (союз Гапш) за омовение кадию давали 1,2 и 3 руб., за чтение Корана на могиле

покойника – 2 или 3 руб., при разделе оставшегося имущества между родственниками умершего – 10 руб. 25 коп., при совершении кебина – 20 коп. (Памятники... С. 22).

Аналогичная плата кадиям, но в иных размерах, существовала и в других независимых общинах. Это вознаграждение кадиям за услуги и разбирательства личных вопросов. Но, кроме этого, сельские кадии за свою службу получали известную плату от общества, форма и размеры которого зависели от самой общины. «По обычаю, утвержденному во всем Дагестане, – сказано в источнике, – кадии за исполнение своих духовных обязанностей получали с каждого двора произведениями, свойственными данной местности» (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 7а. Л. 3; Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 71; Памятники... С. 36; *Амиров Г.-М.*, 1973. С. 38). Так, в сел. Урахи каждый из 12 исполнителей должен был давать кадию села по 10 мерок (барха) зерна в год. Всего в течение одного года урахинский кадий получал 180 пудов пшеницы (*Амиров Г.-М.*, 1873. С. 38). В с. Меусиша ежегодно 12 исполнителей давали своему кадию 36 мерок (барха) пшеницы, т.е. по три мерки каждый. В с. Мургук каждое хозяйство давало кадию по 2 мерки (сахы) зерна, в Канасирага и в Кичигамри – по 3 сахы зерна (*Алиев Б.Г.*, 1972. С. 168–169).

Сельские общины выделяли для кадиев и определенные земельные участки. В с. Урахи кадий Абдулкадир в XIX в. получал от джамаата пахотное поле около с. Ванашимахи. В с. Бурдеки в местности Джагъаннабла къада кадию выделяли участок пахоты в 7 мерок (барха) засева, урожай с которого собирали сами общинники (*Алиев Б.Г.*, 1999. С. 241–242). Он получал также 10 мерок зерна с мечетских земель. Согласно адату, кадию с. Кичигамри утамышцы давали для засева землю пространством на 10 саб по дороге в Дешлагар и, кроме того, он пользовался «на 4 сабы землю, которая [была] завещана одним утамышцем в пользу кадия» (Памятники... С. 22). Причем, и в этом селении все сельскохозяйственные работы на кадия выполнялись общинниками (*Алиев Б.Г.*, 1972. С. 169). В с. Ицари кадию выделяли сенокос на 20 вьюков сена, если же кадий был из другого селения, то сверх того ежегодно он получал от общества еще 15 баранов (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 71). Пахотные и сенокосные участки выделяли кадиям также в аварских селениях Хиндах, Бацада, Салта, Кегер, Гочоб, Гертма, Артлух (*Алиев Б.Г.*, 1980; 1981; 1984) и т.д., а также во многих независимых общинах Южного Дагестана.

Все это мы привели для того, чтобы показать, что вознаграждение, получаемое старшинами и кадиями дагестанских независимых общин, способствовало их обогащению, превращению их в местную знать и отделению от основной массы населения. Практически это вознаграждение превращалось в налог в их пользу, в своего рода наследственную ренту в пользу местных богачей, и особенно, там, где должности старшин и кадиев превратились в наследственные.

Следующая ступень в управленческой системе независимой сельской общины была представлена из светской власти мангушем и исполнителями, а из духовной – муллами и будунами.

Мангуш (магъуш) – глашатай, выбирался на народном сходе на определенное время или назначался старшинами и кадиями. Мангуш был как бы посредником между народом и вышестоящей администрацией (т.е. независимой сельской общиной).

В обязанность мангуша входило объявлять приказы и решения старшин и кадия и приводить в исполнение их распоряжения: созывать народ на сельский сход, оглашать решения, принятые на нем, объявлять очередность исполнителей, проведение различных сельскохозяйственных работ, выпас скота и т.д.

Посредническая роль и значимость должности мангуша хорошо видна в с. Акуша. «В Акуша, – сказано в источнике, – был один «мангуш», он один имел право передавать все распоряжения картов («шила халати» – старшины. – Авт.) и кадий народу, а также, если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа, то справлялись об этом через мангуша, который приносил им согласие народа на их решения или же отмену такового. При взыскании с кого-нибудь большого штрафа вместе с несколькими барулес (баруман – исполнитель. – Авт.) посылался непременно и мангуш» (Памятники... С. 14).

За свою службу мангуш также получал вознаграждение (*Комаров А.*, 1868. С. 14). Так, в с. Кудали мангуш получал от джамаата пахотный участок «Мангушаасул хIур» («пахота мангуша»), два мангуша с. Салта получали десятую часть кукурузы с каждого хозяйства села (Полевой материал, собранный в Гунибском районе в 1984 г.).

Независимая сельская община для исполнения своих решений и решений, выбираемых или назначаемых ею сельской администрации имела институт исполнителей (чауши), называемых у разных народов и даже в разных селах по-разному: хьуалти (Урахи), баруманы (Акуша), хьубесла, хьулгьула, гьешла бегIти (Муги), ибахур (Мекеги), хьулгьула (охранщик) – Усиша, урчIеми

(Цудахар), челми (Шухты), гели (почти у всех аварцев). В исторической литературе исполнители известны под названием тулгаки или тургаки и челми. Исполнители являются силами принуждения. Им разрешалось применять насилие во время исполнения своих обязанностей, хотя и «в ограниченных рамках» (Агларов М.А., 1988. С. 182).

Хорошо о правах и обязанностях исполнителей сказано в одном из источников середины XIX в., посвященном Кайтагу. Вот как там написано: «взыскивать штраф (по приказанию старшины) с того, кто оказывается по суду виновным, выгонять из дома канлыя, если родственники его скрывают; с того, кто ослушивался и не исполнял приказания старшин, тулгаки (исполнители. – Авт.) брали в штраф быка или его стоимость...». В обязанность исполнителей входило также: «...если кто-нибудь пускал свой скот на чужую пастьбу или в сады – захватить скот и держать его у себя до тех пор, пока хозяин скота не уплатит штраф за потраву. Или, если должник долгое время не удовлетворяет своего кредитора, тулгаки взыскивали с него насильно долг и удовлетворяли займодавца» (Памятники... С. 21–22).

Исполнители назначались или джамаатом, или старшинами по очереди на различные сроки, но, в основном, на год. Количество их в разных обществах было разное. Так, в Чишили было 6 исполнителей, в Уркарах – 60, в Кубачи – 24 (Памятники... С. 22; полевой материал 1967 и 1968 гг.), в Н. Мулебки, Мургуке, Канасираги (Алиев Б.Г., 1972. С.172), Мекеги и Муги по 12, в Усиша, Цудахаре и Гапшима – по 9 (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. С. 206), в Гочобе и Хоточе – по 7, в Мугурухе, Хуштада, Н. Батлухе, Куруше и Гурике – по 2 (Алиев Б.Г., 1980; 1981; 1982), в Акуша – 16, и каждый из 4 старшин мог распоряжаться любым из них (Памятники... С. 14). Что интересно, в Акуша в распоряжении у джамаатских старшин было по 2 исполнителя – всего 8 (Памятники... С.13–14).

Из числа исполнителей назначались так называемые чапары (гонцы, рассыльные, вестовые), которые в необходимых случаях посылались в другие села. В ряде обществ, помимо исполнителей, были и специальные охранщики полей, что впрочем входило и в обязанности исполнителей. В Ахтах их называли кьурухчи, в Табасаране – шугьен, в Агуле – гизир (Алиев Б.Г., 1999. С. 214), в Гумбете – магьил эл (Сайбулаев А.Б., 2001.С.21) и т.д.

Как и высшие руководители исполнительной власти в лице сельских старшин и кадиев и мангуша, исполнители получали за свою службу вознаграждение. В источнике сказано, что везде и повсеместно «две части штрафов получали исполнители, а третью – мангуши» (Памятники... С. 22–23). В с. Уркарах исполнителям еженедельно с каждого дома давали «по одному саху пшеницы, за что они по окончании года обязаны были делать угощение всему обществу или по крайней мере всем почетным лицам» (Памятники... С. 23). В их пользу шли и штрафы. В сс. Харбук и Кубачи в пользу исполнителей шла ½ штрафов (Памятники... С. 36). В с. Ахты исполнители получали от общества по 1 быку в год, при каждой свадьбе и при каждом поминовении в той же семье, где совершался этот обряд, они получали масло, мясо, крупу и дрова, при наделе аксакалов и эфенди после разбора дела о крови в Ахтах каждый чауш получал какую-нибудь вещь, стоимостью 3 руб., т.е. 3 баранов (Памятники... С. 26–27; полевой материал 1979 г.). Чауш с. Мискинджа также получал мясо, масло, крупу и дрова во время свадьбы и поминовения (Памятники... С. 29). В с. Бурдеки в местности Джагьаннабла кьада каждому из трех исполнителей давали участки на 3 мерки (барха) засева. Интересно, что посеянное количество зерна исполнители отдавали джамаату, а остальную часть оставляли себе (Алиев Б.Г., 1972. С. 172). По адатам андалальцев с убийцы взыскивалось 4 быка, из которых 2 – в пользу исполнителей. В с. Куруш исполнители получали с каждого хозяйства по 6 кг зерна, в табасаранском с. Гурик – по 8 кг зерна, Халаге – 2,5 кг. зерна, в Хоредже – участок в местности Битлал (Алиев Б.Г., 1974, 1982, 1984 гг.).

Независимая дагестанская община предоставляла своим административным лицам ряд льгот и привилегий. Они были освобождены от «несения» каких-либо повинностей, от караульной службы (Феодальные отношения в Дагестане в XIX – начале XX в., 1969. С. 360). Нельзя было брать ишкиль у кадия, старшины, мангуша, исполнителей (Постановление Кайтахского Уцмия Рустем-хана... ССКГ, 1869. С. 84; Из истории права народов Дагестана, 1968. С. 132).

Сельская общинная администрация пользовалась большим уважением и авторитетом. Здесь уместно привести слова Ф. Энгельса об администрации архаической общины, которая являлась прародительницей сельской общины. В частности, он, сравнивая положение государственных чиновников и высоких особ, писал: «Самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи

цивилизаций мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бескорыстному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены представлять собой нечто вне его и над ним» (*Маркс К. и Энгельс Ф.*, 1961. С. 171).

И в дагестанской независимой общине, конечно, не идентичной родовому строю, общинная администрация охранялась и защищалась законом – адатами, принятыми на народных сходах. Им уже было недостаточно «свободного добровольного уважения», которое было в родовом обществе, «они должны [были] добывать уважение к себе исключительно законом», т.е. на основе адатов принимаемых на сельских сходах, где верховодила общинная знать. Принимая адаты в защиту своей администрации, тем самым независимая община принимала на себя и обязательства по их охране, заботиться о них, защищать их от посягательств на жизнь, побоев, увечий, кражи имущества и т.д., и т.п. В связи со сказанным следует отметить, что повсюду в адатах дагестанских независимых общин были статьи, защищающие от посягательств или непослушания представителей общинной администрации всех звеньев, начиная от наиболее высших (старшины и кадии) и кончая исполнителями. Причем везде штраф или компенсация за ущерб, нанесенный общинной администрации, взыскивался в несколько раз выше, чем штраф за ущерб нанесенный родовому члену общины.

Но в то же время, независимая сельская община, защищая свою администрацию, требовала от нее и хорошей работы. За плохую работу представители администрации несли наказание, что также нашло отражение в адатах дагестанских народов. Так, в адатах цекубцев сказано: «Цекубцы решили взыскать одну овцу от исполнителей и старейшин за плохую работу» (Памятники... С. 99). По адатам келебцев, если старейшины медлили с взысканием штрафа более одной недели, то с них самих взыскивался штраф в размере одной овцы. В другой статье келебцев сказано, что если старейшины и исполнители «скроют, кто допустил потраву сенокосов, то с них взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники... С. 78). По адатам цекубцев, если старейшины согласились продать сельскую общественную землю, то с каждого, кто согласится, взыскивали по одной овце (Памятники... С. 78).

Высшим или верховным управленческим и законодательным органом независимой сельской общины было сельское (общинное) собрание (руккел (авар.), бадильбир (анд.) (*Агларов М.А.*, 1988. С. 173; 2002. С. 159), шила цахИнабихь (дарг.). Как отмечал К. Маркс: «Чтобы община обрела действительное существование, свободные собственники земли должны сходиться на собрания» (*Маркс К. и Энгельс Ф.*, 1965. С. 470).

Право созыва сельского собрания (схода) принадлежало старшинам и кадиям, о созыве которого оповещал мангуш. Места сбора сельских сходов «наперед раз навсегда были установлены» (*Ковалевский М.М.*, 1890. Т. 2. С. 160). Это, обычно, была окрестность селения или площадь перед мечетью (*Ковалевский М.М.*, 1890. Т. 2. С. 160). Так, уркарахцы собирались в местности Каканец, а по более важным вопросам на возвышенном месте Аф-Ка (*Ковалевский М.М.*, 1890. Т. 2. С. 160; *Памятники... С. 23; Алиев Б.Г.*, 1975. С. 207), в андалальском с. Кегер сход созывался в среднем квартале возле озера в местности Хиральохь (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. С. 37), в муйринском с. Чишили сход собирался в местности Мистикла хьяб – перед мечетью (*Алиев Б.Г.*, 1975. С. 207).

Сельские сходы созывались по мере надобности. По мнению Р.М. Магомедова, они «созывались часто» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 72). М.А. Агларов пишет, что «созыв народных собраний, судя по всему, был очень редким явлением». И далее: «Народные собрания созывались спорадически, когда возникали особо важные вопросы» (*Агларов М.А.*, 1988. С. 173).

В отличие от архаических общин, где на народных собраниях участвовали и мужчины, и женщины, в независимых общинах участвовать в работе сельского схода имели право только мужчины (с 15–18 и даже 25–40 лет), а в отдельных общинах – только женатые мужчины (Полевой материал 1980–1984 гг.). Это подтверждает слова М.М. Ковалевского о том, что «в Дагестане деятельное участие в вечерних собраниях отнюдь не было представлено народу» (*Ковалевский М.М.*, 1890. Т. 1. С. 76). Но наряду с этим интересно и то, что в ряде обществ участие в работе сельского схода было обязательно, и не явившегося туда наказывали. Так, в лезгинском с. Куруш (союз Докузпара) того, кто не приходил на сход, штрафовали так же, как не явившегося на общественные работы (Полевой материал 1974 г.). В Андалальском обществе с не явившегося на сход по вызову, взыскивали 1 котел (Памятники... С. 65), а в Келебском обществе – 1 сах зерна (Памятники... С. 76).

Сельский сход созывался для обсуждения наиболее важных вопросов: взаимоотношения с другими обществами, вопросы войны и мира, проведение различных сельскохозяйственных и общественных работ, сдача или аренда земли, распределение общественных земель, начало и конец выпаса скота на летних и зимних пастбищах, условия найма пастухов и чабанов, выборы сельских административных должностных лиц, а также представителей для решения различных спорных вопросов и т.д.

Решения, принятые на сходе, были обязательны для всех, они приобретали «силу закона и обычая» (Магомедов Р.М., 1957. С. 72). Решения принимались по большинству голосов, но на это большое влияние оказывали старшины, кадии и общинная знать. Практически, они имели на сходе решающее слово.

Но народное собрание по своей сути не было оперативным органом управления независимой общины. Таким постоянным оперативным органом управления общиной был Совет, который, подобно в древних общинах, (Энгельс писал о греческом роде: «Постоянным органом власти был Совет, **bule** первоначально по-видимому, состоявший из старейшин родов, позднее же, когда число последних слишком возросло – из избранной части этих старейшин, что давало возможность для развития и усиления аристократического элемента» – (Энгельс Ф., 1961. С. 105) первоначально состоял из старейшин, почему он известен был как совет старейшин. В изучаемое время совет состоял из высших должностных лиц и верхушки богатых и влиятельных тухумов. Р.М. Магомедов писал, что в совет старейшин в аварских общинах входили, «кроме старейшин, главы тлибилей и чухбы под именем почетных стариков. Совет старейшин был наиболее оперативным органом джамаата» (Магомедов Р.М., 1957. С. 72). Н. Данилевский писал о горах Дагестана вообще, что «в важных случаях они составляют советы в народных собраниях» (Данилевский Н., 1846. С. 158). А. Комаров писал о «совете старейшин рутулов, как органе, которым они управлялись вместе с выбранными старшинами» (Комаров А., 1868. С. 120).

На совете старейшин, как наиболее оперативном органе независимой общины не только обсуждались вопросы, требующие неотложного решения. Он фактически был и малым сходом, и высшим органом управления общины, имевшим «практически все верховные полномочия и заменяя собой народное собрание» (Агларов М.А., 1988. С. 174), который, как и сельский сход, но в отличие от него оперативно решал вопросы, связанные со сношениями с другими обществами, охраной границ, распределением общественных земель, проведением общественных работ (строительством и ремонтом дорог, оросительных систем, общественных зданий, приведением в порядок села, кладбища, родников, оград и т.д.), арендой зимних и летних пастбищ. Как пишет М.А. Агларов, совет старейшин – это «высший после народного собрания орган, который можно сопоставить (с учетом ряда особенностей и в упрощенном варианте) с органами правления в древних гражданских общинах» (Агларов М.А., 1988. С. 176–177). М.А. Агларов далее пишет, что совет старейшин, хотя «при росте классового засилья или утверждения феодального единовластия ... оттеснялся на роль совещательного органа, но всегда сохранял за собой функции самого авторитетного учреждения во время разбирательства конфликтных ситуаций: кровных тяжб, апелляций лиц или тухумов к другим лицам, тухумам или обществам, при просьбах при установлении мира, при территориальных конфликтах и т.д.». Нельзя не отметить и оценку данную М.А. Агларовым совету старейшин и сравнения его с подобными институтами управления общин других стран. По этому поводу он пишет: «В данной политической форме и ее функциях легко усмотреть орган «гражданского» самоуправления со статусом представительного органа всей общины (или их союза), т.е. совет старейшин представлял народное собрание «руккел», почему, собственно, и назывался «джамаат». Очевидно, что совет старейшин вырос из древних потестарных форм, известных в общей этнографии как геронтократия, как, впрочем, и совет в Древнем Риме» (Агларов М.А., 1988. С. 177). В другой работе М.А. Агларов пишет, что «Совет старейшин – это прообраз сената, основной элемент гражданского самоуправления» (Агларов М.А., 2002. С. 159).

Во главе совета, как и схода, и общины, в целом, стояли старшины и кадии, т.е. местная знать, которая, как и на народном собрании, принимала угодные ей решения, выполнение которых, как и решений схода, было обязательным для всех. П. Зубов, имея в виду именно такой Совет, писал о Джарах, что здесь собирался джамаат или собрание старшин, имевшее в своих руках исполнительную и законодательную власть (Зубов П., 1835. Ч. 3. С. 192).

Если в более ранний период Совет старейшин, как орган, формируемый самой общиной, был от него зависим и обсуждал вопросы, требующие неотложного решения, то в изучаемое время функции его увеличиваются, увеличилась его роль, что происходило параллельно с уменьшением

роли сельского схода. Фактически происходила замена последнего первым, т.к. на нем решались те же важные вопросы общесельского масштаба, но главное – оперативно и конкретно, чем на сельских сходах, которые были более масштабны, многополярны по своим интересам и составу участников и т.д. «Это было характерно в особенности для тех общин, где верховодила местная знать, где у руля управления стояли представители отдельных, богатых, сильных и влиятельных тухумов, которые получили высшие должности по наследству, хотя такое положение было не везде – не во всех независимых общинах. Во многих, если не в большей части общин, как и в предыдущие периоды, старшины и кадии выбирались на сходе из любого тухума. В таких общинах администрация и совет старейшин не играли такой роли, какую они играли в общинах, где во главе управления стояла местная знать – владельцы больших земель и скота. О роли совета старейшин подобного сельского общества Антль-Ратля писал И.И. Норденстам. «Собрание старейшин, – отмечал он, – называется джамаатом. Власть джамаата весьма ограничена и даже ничтожна; в оном разбираются дела самые щекотливые, заплата долгов и т.п., и то между лицами, в одной деревне живущими, если же из разных деревень, то дела не решались иначе, как с общего согласия обоих джамаатов» (Норденстам И.И., 1958. С. 326). В независимых общинах такого типа больше было влияние свободных общинников, участвовавших на народных собраниях, являвшихся более влиятельными органами управления общин. В таких общинах народные собрания действительно выступали как высшие или верховные управленческие и законодательные органы управления.

В статье сделана попытка, как можно широко, всесторонне характеризовать, раскрыть управленческую деятельность дагестанской независимой общины. Весь приведенный материал показывает широту полномочий общины, ее активную деятельность, ее ответственность по организации управления.

Независимая община – это низшая структура союза сельских общин, характеризуемая в наши дни рядом ученых-историков, этнографов, философов и политиков как гражданское общество. Но в свете всего приведенного выше материала и с учетом того, что гражданское общество, которое основано не только на самоорганизованности, самоуправляемости, наличии разнообразных общественных институтов, образованных или формируемых на основе их выборности или назначения самой общиной, играющих посредническую роль между ней и ее субъектами (членами), но и **на свободе, независимости, равенстве** и т.д., резонно поставить вопрос – отвечала ли всем этим требованиям дагестанская независимая община? Как быть, если в обществе нет ни экономического, ни социального, ни правового равенства. Одни члены общины – местные богатеи, общинная знать имели огромные земельные владения и большое количество скота, разнообразное имущество и зависимое население в лице лагов – рабов, которые применялись в их хозяйстве и приносили им большие дополнительные доходы, в то время как другая часть общины не имела всего этого и, даже лишившись своей земли и скота, попадала не только в экономическую, но, фактически, и в личную зависимость от местной знати. Была и такая часть общины, в частности, переселенцы (апарги), канлы из других обществ и освобожденные рабы, которые не имели права получения пая из общиной земли, не имели права участия в народном сходе и права голоса на нем.

Можно ли согласиться с мнением ученых-дагестановедов, утверждающих наличие гражданского общества в Дагестане до присоединения его к России, если не было ни экономического, ни социального равенства между всеми членами общины.

Я не собираюсь дискутировать со сторонниками мнения о гражданском обществе. Но, думается, что на сказанное выше следует обратить внимание, чтобы лучше аргументировать мнение о гражданском обществе в Дагестане.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агларов М.А.*, 1988. Сельская община Нагорного Дагестана в XVII– начале XIX в. М. Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре), 1975. Махачкала.
- Айтберов Т.М.*, 1985. Институт главного наследственного кади (первоначального имама) в политической системе Андалала конца XVI – первой половины XVIII века // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М
- Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1890. Тифлис.
- Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, 1876. Тифлис. Т. VI.

- Алиев Б.Г.*, 1972. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Очерк социально-политической истории. Махачкала.
- Алиев Б.Г.*, 1975. К вопросу об административно-политической структуре общества Гапш в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории Дагестана (досов. период). Махачкала. Вып. 3.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1962 г. Из личного архива автора.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1964 г. Из личного архива автора.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1966 г. Из личного архива автора.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1969 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 484.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1970 г. Из личного архива автора.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1972 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1974 г. Из личного архива автора.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1980 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 570.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1981 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 580.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1982 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 586.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1983 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1984 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1985 г. Из личного архива автора.
- Алиев Б.Г.*, Полевой материал 1986 г. Из личного архива автора
- Алиев Б.Г.*, 1999. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала.
- Алиев Б.Г.*, 1999–2000. Теократия в Дагестане // Труды Кавказского центра Иранистики. Тегеран. Т. III–IV.
- Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.*, 1970. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала.
- Амиров Г.-М.*, 1873. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис. Вып. VII.
- Березин Н.*, 1850. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань.
- Гасанов М.Р.*, 1978. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX вв. Махачкала.
- Гасанов М.Р.*, 1994. Очерки истории Табасарана. Махачкала.
- Гербер И.-Г.*, 1958. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // ИГЭД. М.
- Дубровин Н.*, 1871. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. Т. 1. Кн. 1.
- Еропкин Д.Ф.*, 1958. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М.
- Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге в прежнее время // ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 2. Д. 24.
- Зубов П.*, 1835. Картина Кавказского края... СПб. Ч. 3.
- Ковалевский М.М.*, 1890. Закон и обычай на Кавказе. М. Т. 1–2.
- Комаров А.В.*, 1868. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Тифлис. Вып. I.
- Комиссия по разбору сословно-поземельного строя туземного населения Южного Дагестана, г. Дербент Дагестанской области. 1869–1882 // ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 7а, 49.
- Кушнер (Кнышев) П.*, 1927. Очерки развития общественных форм. 7-е изд. М.
- Магомедов Р.М.*, 1968. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1964. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала.
- Мирзамагомедов Г.М.*, 1984. Эволюция института «ка'ида» в политической структуре Дагестана // Тез. докл. научн. сесс., посвящ. итогам экспедиц. иссл. Института ИЯЛ в 1982–1983 гг. (27–28 апреля 1984 гг.). Махачкала.
- Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. II.
- Нордестам И.И.*, 1958. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. М.
- Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965. М.
- Петрушевский И.П.*, 1934. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Л. Т. 1.
- Письмо Ираклия Магомед-Нуцалхану // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 68.
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.*, 1964. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала.

- Руновский А.*, 1962. Взгляд на сословие права и взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. Т. 25. № 8.
РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5, 528, 570, 580, 586, 596; Ф. 6. Оп. 1. Д. 68.
- Сайбулаев А.Б.*, 2001. Социально-экономическое развитие и политическое положение Гумбетовского союза сельских обществ в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.
- Симонович Ф.Ф.*, 1958. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.
- Феодальные отношения в Дагестане XIX – начало XX в., 1969. М.
- Энгельс Ф.*, 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс М. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.